

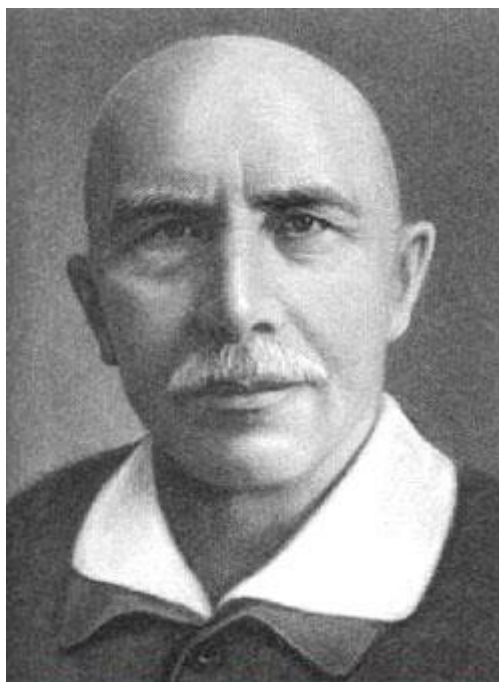
Под солнцем донской степи

(О пребывании А.С.Серафимовича в станице Раздорской)

Л.Т.Агарков

Впервые о пребывании в Усть-Донецком районе выдающегося советского писателя Александра Серафимовича Попова, избравшего себе литературный псевдоним – Серафимович, – я услышал еще в школьные годы от своей тетки Марианны Андреевны Богдановой.

В кругу родственников она рассказывала, как в молодости, вместе со своими раздорскими подругами, ездила в станицу Мелиховскую на встречу с писателем, которая состоялась на даче Кунделекова. Здесь он рассказывал о своей литературной работе, читал свои рассказы. Тетка даже упомянула о том, что в подарок от Серафимовича на той встрече получила его книжку, название которой, к сожалению, я не запомнил.

Александр Серафимович

Марианна Андреевна также говорила, что неоднократно встречалась с Серафимовичем и в станице Раздорской, куда он также приезжал и жил по несколько месяцев в летнее время.

Когда после демобилизации из Армии, в 1951 году я пришел на учительскую работу в Раздорскую среднюю школу и передо мной как руководителем туристско-краеведческой секции встал вопрос о создании музея, я очень пожалел о том, что не проявил должного интереса к рассказу тетки. «Будь тогда более любознательным, не возник бы теперь целый ряд безответных вопросов», – думал я.

Однако сетовать на то, чего не вернешь было и поздно, и неразумно. Лучше теперь же позаботиться, чтобы не допустить просчетов в будущем, – решил я, – и начал систематически вести записи всего, что имело какое-либо отношение к родному краю. Стал делать вырезки из газет и выписки из прочитанного, собирать краеведческую литературу. Все это мне сослужило неоценимую службу не только в изучении родного края, но и в основной – учебно-воспитательной работе, которую, по моему глубокому убеждению, нельзя успешно вести без туризма и краеведения.

После первого же похода по родному краю, из которого были принесены и первые экспонаты, окончательно утвердилось наше решение о создании музея. Тогда же возник и начал свою деятельность организационный комитет. В него вошли старшеклассники Валентин Фоменко, Нина Трунина, Нелли Толмачева, Светлана Фролова и Валерий Карпенчук. В поисках экспонатов и опыта, они устанавливали связи с государственными музеями области, завязывали знакомства с учеными и краеведами. Добрый след в этом деле оставили и активисты школьного туризма и краеведения: Василий Шевцов, Геннадий Марков, Александр

Савостиков, Александр Фролов, Николай Сотников, Александр Агарков, Алексей Полубедов, Юрий Пешенко, Александр Сулин и другие.

Конечно, нас интересовали в то время не только сведения о Серафимовиче. Наши интересы были чрезвычайно широки и постоянно росли. Мы же были молоды и полны энергии и энтузиазма. Школьный туризм и краеведение привлекали в свои ряды все новых поклонников.

Оргкомитет, с помощью актива, искал древности, вел большую переписку. И вот в одном из писем, полученном в 1955 году от известного Ростовского краеведа Семена Марковича Маркова, мы прочли о том, что в станице Раздорской в 1910 году некоторое время жил и работал над своим романом «Город в степи» А.С. Серафимович и, что было бы хорошо установить путем бесед со старожилами, в каком доме жил он в станице, собрать воспоминания людей, с которыми писатель встречался.

С этого момента и начался систематический поиск и опрос станичных долгожителей по упомянутому вопросу. Помню, нам удалось найти тогда несколько человек, знавших о проживании в станице Серафимовича, с которым они встречались в разных местах, но чаще всего на берегу реки, на рынке, на станичных улицах. В числе этих людей была и моя первая учительница Любовь Ивановна Пухлякова. Однако никто из них не мог рассказать о цели приезда писателя, его встречах со станичниками, деятельности. Постепенно другие дела и заботы отодвинули на некоторое время эти поиски. Они возобновились лишь тогда, когда нами было получено письмо от Ростовского литературоведа, бывшего сотрудника музея Серафимовича, Аркадия Александровича Айрумяна, посвятившего многие годы изучению жизни и творчества писателя.

Обращаясь ко мне, 14 мая 1958 года он писал: «Из напечатанной в «Молоте» 8 мая с/г информации я узнал, что в школе, в которой вы работаете, создан краеведческий музей, и что краеведческая работа ведется постоянно. В связи с этим у меня возникла мысль, обратиться к вам лично и через вас ко всем краеведам станицы Раздорской за помощью. Я работаю над книгой о Серафимовиче и буду признателен, если вы и ваши помощники согласитесь помочь мне собрать сведения о его пребывании в вашей станице». Далее в письме излагались вопросы, на которых следовало сосредоточить внимание. Забегая вперед, хочу сказать, что это письмо послужило началом нашего знакомства переросшего в дружбу, продолжающуюся до сегодняшних дней. Будучи по различным вопросам в Ростове, я старался встретиться с Аркадием Александровичем. Он несколько раз приезжал в Раздорскую, бывал в музее, ночевал в моем доме, бывал в палаточном лагере юных археологов «Нуклеус» на острове Поречном, где нами в 1957 году была открыта стоянка древнего человека эпохи неолита.

Безусловно, во время встреч мы каждый раз касались вопроса пребывания Серафимовича в нашем крае.

Я всегда сообщал обо всех новых материалах. Аркадий Александрович не оставался в долгу, передавая нам свои публикации в газетах «Молот» и «Комсомолец».

В 1959 году в Ростиздате вышла книга «Наш Серафимович», составителем и автором вступительной статьи «Жизнь, отданная народу» был А.А. Айрумян. Книга эта – сборник воспоминаний современников и его учеников о нашем земляке, пролетарском писателе. Подарив эту книгу, Аркадий Александрович нам наказал: «Отыскать и выяснить все, что только возможно, связанное с пребыванием в станице Раздорской А.С. Серафимовича». Сегодня можно сказать, что наказ этот выполнен.

Возвращаясь к письму Аркадия Александровича, хочу сказать, что тогда, чтобы привлечь к поиску больше людей, мы решили воспользоваться услугами районной газеты «Советский Дон», в которую я написал статью-обращение. 5 июня 1958 года оно было опубликовано под заголовком: «Где в Раздорской жил Серафимович?».

Надеясь на всемогущую роль газеты и продолжая поиск очевидцев пребывания Серафимовича в районе, мы совершили поход в станицу Мелиховскую. Здесь мы искали дачу Кунделекова и установили, что такая дача действительно была. Она находилась на вершине песчаного холма, спускавшегося своим южным склоном к самой воде. Сейчас эта живописная местность, с тенистыми аллеями из огромных тополей, идущих вдоль донского берега, и прохладными родниками, принадлежит всесоюзной здравнице горняков.

Как нам стало позже известно из писем самого писателя, сюда он приехал в 1908 году с женой Ксенией Александровной и сыновьями Анатолием и Игорем. Шестнадцатого июня из Мелиховской Ивану Алексеевичу Белоусову он писал: «Лето мы решили провести на берегу Дона. Но никак не могли выбраться из Ялты. Ксения Александровна сдавала свои приютские дела, а я возился с ребятами, между тем время уходило, надо было приниматься за работу. Наконец мы приехали сюда, и я сел писать. Дом наш стоит на самом берегу, детишки

целый день болтаются в воде, удят рыбу, купаются и блаженствуют под чудесным нашим солнцем. Бегут мимо пароходы, парусные лодки. Я живу в мезонине, гляжу на далекий луговой простор, на синюю гладь старика Дона и пишу». В этом же письме писатель упоминал, что работал над рассказом «Мишка Упырь». В конце он написал: «Мой адрес: станица Мелиховская, Донская обл., мне, на дачу Кунделекова.»

К сожалению и здесь мы не встретили людей из окружения писателя в период пребывания его на даче. И все же не хотелось верить, что время стерло все следы и никого не оставило в живых из числа тех, кто был близок с Серафимовичем, и, наверняка, мог знать о многих деталях его жизни в наших местах.

Как часто бывает, помог случай. В Раздорскую приехала Серафима Ивановна Бондарева. Давно, еще в 1916 году, покинула она родные места и все это время жила в Москве. Теперь с волнением смотрела на изменившуюся станицу. В поисках знакомых, она посетила свою бывшую школьную подругу – Елизавету Андреевну Агаркову (мать автора этих строк). Оказавшись невольным свидетелем этой встречи и будучи под впечатлением поиска старожилов, знавших Серафимовича, я как-то машинально, задал гостье вопрос: не знала ли она Серафимовича?

Ответом был неожиданный поток воспоминаний, прояснивший многие стороны жизни писателя в станице. Это было так давно, когда Серафима Ивановна была еще подростком. В доме Бондаревых, разместившемся в центре станицы, на том месте, где сейчас заканчивается строительство здания для детского садика, находилась въезжая квартира (постоялый двор) и первые дни после приезда Серафимовича в станицу, он вынужден был проживать здесь, о чем потом напишет в рассказе «Две ночи».

Прежде чем продолжить воспоминания Серафимы Ивановны я хочу сказать, что с самого начала поиска, мы стали интересоваться произведениями писателя и литературой о нем. К сожалению, станичные библиотеки располагали в то время крайне малым количеством этих изданий. Однако нам удалось прочитать «Город в степи» и некоторые другие произведения из двухтомного собрания избранных произведений, имевшегося в Раздорской библиотеке. С его рассказом, «Две ночи», записанному со слов Серафимовича Г. Нерадовым, читаем: «Две ночи», – живой моделью послужила мне станица Раздорская-на-Дону. Весь пейзаж, крутой склон горы, пристань, пароход ночью – все оттуда. На описанном постоялом дворе я сам останавливался».

- После, – продолжала гостья из Москвы, – Серафимович переселился в двухэтажный дом – напротив, через улицу, стоявший на нижней, но довольно высокой донской террасе. Дом имел балкон, заплетенный диким виноградом и выходивший к Дону. Писатель любил отсюда смотреть на Дон и вдаль на безграничный простор донской поймы. Там на горизонте в солнечные дни на голубом фоне неба были хорошо видны станицы Семикаракорская и хутор Сусат.

Читая рассказ «Две ночи», поражаешься наблюдательности: «С реки доносилось: плеск, смех, крики купавшихся ребятишек, звук вальков, гомон народа, свистки проходящих пароходов, а по ночам, когда тихо, звук уключин.

Солнце, нажегшее за день соломенные, деревянные, пестрые черепичные и редкие железные крыши и уличную пыль, в которой измождено купались куры, завалилось за гребень, бросив от ветряков (ветряных мельниц) по речным пескам длинные тени. По улицам в тучах пыли бесконечно пошло стадо».

Как позднее выяснилось, дом, в котором жил писатель до наших дней не сохранился. На его месте, по улице Калинина 109, был построен новый, одноэтажный. С писателем жила его мать Раиса Александровна, которую Серафима Ивановна часто видела идущей за продуктами на рынок и возвращавшейся с покупками. В руках у нее всегда была плетеная из чакана корзинка.

Прислуги они не имели. Серафимович, весь период пребывания в станице, каждое утро приходил к Бондаревым пить парное молоко сразу после дойки коровы, перед выгоном на пастбище. Обычно он пил два стакана, и так как хозяйева от денег отказывались, Серафимович стремился их чем-либо отблагодарить, часто Серафиму Ивановну угощал сладостями.

С.И. Бондарева рассказывала, что писатель был общительным, особенно любил молодых людей. Бывали случаи, когда на квартире у него собиралось до десятка подростков, и он очень много уделял им времени, рассказывая о жизни, читая свои рассказы. Иногда в сопровождении юных казаков и казачек выезжал за Дон, на песчаную косу, где коллективно купались и отдыхали. В окружении Серафимовича был и старший брат Серафимы Ивановны, в то время студент Донского сельскохозяйственного училища – Бондарев Михаил Иванович. Серафима Ивановна рассказала, что с ее братом у Серафимовича отношения были более близкие.

Они часто и подолгу о чем-то между собой беседовали. Михаил неоднократно встречался с писателем не только на Дону, но и в Москве, как до революции, так и в советское время.

По свидетельству Бондаревой, Серафимович очень любил жизнь, был человеком веселым, подвижным, во время разговора оживленно жестикулировал. Иногда ходил на рыбалку. Рыбацкая удача приводила его в восторг: «Мама, рыба-то, рыба-то какая! И поймал я ее сам!» – восклицал он, показывая улов Раисе Александровне.

Безгранична была любовь писателя к донской природе. В письмах с Дона друзьям и родным он упоминает: «А какая тут благодать», «Как чудесно печет наше степное солнце», «Детишки... блаженствуют под чудесным нашим солнцем», «Гляжу на далекий луговой простор, на синюю гладь старика Дона» и т.д. Как рассказывала Серафима Ивановна, он мог часами просиживать на крыльце казачьего «куренья», глядя на Дон и необозримые просторы задонского луга, или неумоимо бродить по его берегам, вынашивая мысли, которые предстояло потом в рассказе или повести поведать людям.

Иногда он бывал в ближайших к станице хуторах Пухляковском и Сусате. О его удивительной наблюдательности свидетельствуют многочисленные, яркие картины, запечатлевшие Раздорскую в рассказе «Две ночи».

«Из-за помутневшего гребня выглядывают растопыренными крыльями ветряки, а над ветряками – юное, омытое в золотой оторочке белое облачко. Река медленно потухает, но отраженные пески еще глубоко белеют. Курени, все одинаково поделавшиеся серыми, карабкаются по темно-обрывающейся горе от воды до гребня, за которым еще чудится невидимо уходящее в степи солнце.

За плохо различимыми садами, над едва видным отблеском реки, старая, осыпающаяся, выдавшая на своем веку виды песчаная гора устало остывает от дневного зноя, желто очерчиваясь на вечернем небе.

Мимо тусклых куреней, мимо провалившихся, неогороженных, размытых дождями буераков, по крутым спускам разговаривают, толкаясь втулками, колеса. Белеют платочки, плачут унимаемые ребята, фыркают с насупившимися на головы хомутами лошади, и, не изменяя всегдашней степенности, сдерживают наваливающиеся ярма быки.

Доносятся хриплые, обветренные степные голоса:

- Цо-об, цоб!... цабе-э!... ккуды, идол, цабэ!».

Серафимович рассказывает о находках кремневых стрел и орудий труда, черепков от сосудов, древних обитателей этих мест; о былой старине и обилии сайгаков, диких лошадей, кабанов, о богатстве реки рыбой; о босоногом почтальоне, бегающим за двадцать одну версту в почтовое отделение; о любви и женской доле, и еще о многом, что необходимо знать нам из прошлого.

Михаил Иванович Бондарев, как сообщила его сестра, был еще жив, и постоянным местом его жительства был город Ташкент. Таким образом была найдена еще одна нить, по которой мы и решили идти дальше. Написали ему письмо. Ждали, что ответит? Но ответа не было. Не последовало ответа и на другие наши письма. В чем дело? Молчание Бондарева огорчало, вызывало досаду: так удачно начатые поиски внезапно оборвались.

Мы не сидели без дела: установили связь с музеем Серафимовича, библиотекой имени Ленина в Москве, государственным литературным музеем. Сообщили о своих находках, уточняли некоторые детали поиска. Обращались в Раздорский райисполком с просьбой о присвоении районной библиотеке имени Серафимовича.

В апреле 1959 года, в ответ на наше обращение к известному Ростовскому писателю Дмитрию Ильичу Петрову (Бирюку), автору многих исторических романов о Доне и казаках, мы получили от него письмо с воспоминаниями об А.С. Серафимовиче и фотокарточку. На последней была заснята встреча Серафимовича с литкружковцами Сельмаша, Красного Аксяя, Дома медработников и уже профессиональными ростовскими писателями, которая проходила в кабинете рабочего автора в Профиздате 18 мая 1936 года. Серафимович был внимателен к молодежи, заботлив, горяч, остроумен. С большой страстностью говорил о взыскательности художника, о требовательности к себе, об ответственности перед читателем, народом, об учебе у классиков.

На фотокарточке запечатлены сидящими за столом слева направо: критик И.А. Браиловский, писатель Д.И. Петров (Бирюк), А.С. Серафимович, поэт В.К. Жак, писатель А.П. Оленич-Гнененко, журналист М.Н. Незнамов.

14 августа 1961 года Михаил Иванович Бондарев неожиданно встает перед нами собственной персоной и сообщает, что хотел сделать нам сюрприз. Уж очень его тянуло в родные места. Вот он и решил навестить нас лично. Радости нашей не было предела. Мы долго беседовали, ходили по местам, связанным с именем Серафимовича. Михаил Иванович вспоминал о своей юности, о своих встречах с писателем.

Впервые это произошло в 1909 году в Новочеркасске на даче его дяди – Петра Григорьевича Шерстюкова, большого специалиста по виноградарству и садоводству Донской области. Михаил Иванович тогда сдавал экзамен в сельскохозяйственное училище и жил на даче дяди.

Второй раз он встретился с Александром Серафимовичем в 1911 году, уже в станице Раздорской, когда приехал из училища на каникулы летом.

- Из рассказов Серафимовича, – вспоминал Бондарев, – я сделал вывод, что он и раньше бывал в Раздорской. Ему очень нравилось ее расположение, и он часто в разговорах со мной сравнивал ее с Ялтой. Первые дни после приезда в Раздорскую Серафимович жил в доме отца, который был хозяином постоянного двора, и мы за это время особенно сблизились. И потом, когда писатель перешел в двухэтажный дом напротив, мы часто бывали друг у друга. Меня все больше тянуло к нему, образованному, общительному, не сторонившемуся людей из народа.

- Мне в то время было хорошо известно от самого писателя, – рассказывал Михаил Иванович Бондарев, – что он работал над своим романом «Город в степи», в котором хотел показать становление царской России на капиталистический путь развития и появление революционного класса – пролетариата, которому предстоит возглавить борьбу за социальное переустройство буржуазного общества в новое, более справедливое, в котором хозяином должен стать трудовой человек. И, как мне стало известно много лет спустя, после чтения романа, писатель успешно справился с этой задачей.

Александр Серафимович был исключительно жизнерадостным, внимательным человеком. Мне очень нравилась в нем его большая любовь к своей матери, которая была заботливой и приветливой женщиной, и дружба с ней. Серафимович интересовался и расспрашивал нас, т.е. своих юных друзей, часто сопровождавших его в прогулках и купаниях в реке, о местных преданиях, легендах и страхах, о жизни станичников.

В 1914 году Михаил Иванович встречался с Серафимовичем на станции Персиановке, Бондарев в то время учился в 4-ом классе сельскохозяйственного училища, и был близким другом М.В. Кривошлыкова.

При встрече в городе Новочеркасске, уже после Октябрьских событий, когда шла гражданская война, Серафимович рассказал ему, что он едет на Кубань по пути следования Таманской армии, с тем, чтобы потом рассказать об этом знаменитом походе в своем произведении, которое станет всемирно известным под названием «Железного потока».

- Характерно, – рассказывал Михаил Иванович, – что в то тяжелое время, когда трудно было разобраться в происходивших в стране событиях, Серафимович был твердо уверен в победе Советской власти, в чем сумел убедить и его – Бондарева.

Будучи в Москве, в командировках по служебным делам, Бондарев встречался с Серафимовичем на его квартире в 1934 и 1936 годах, где хозяин его радушно принимал. При всех встречах с Бондаревым, неизменно заходил разговор о положении на Дону, писатель с удовольствием вспоминал проведенное им там время и Раздорскую, которую он неизменно сравнивал с Ялтой.

Михаил Иванович гостил у нас несколько дней и вынужден был выехать в Ташкент раньше предполагаемого срока, т.к. страдал от астмы. Члены совета общества юных исследователей родного края избрали его почетным краеведом. Между нами, до последних дней его жизни, шла оживленная переписка по многим вопросам, интересовавшим обе стороны.

Известно, что в марте 1887 года студент Петербургского университета А.С. Серафимович был арестован с текстом прокламации, призывавшим к борьбе с царизмом, за что был сослан в Архангельскую губернию на пять лет. С этого времени, около двадцати лет Александр Серафимович, как «политически неблагонадежный» находился под негласным и гласным надзором полиции. Он испытывал постоянные нападки и со стороны

представителей чуждых народу различных литературных течений, предвзятой буржуазной критики и царской цензуры. В этих условиях Серафимовичу, как автору рассказов «В пути» и «Пески» было особенно приятно узнать о том, что ими заинтересовался Лев Николаевич Толстой. Особенно понравился великому писателю рассказ «Пески», который он читал и слушал много раз.

Лев Николаевич в своем окружении говорил: «Мне попался рассказ Серафимовича «Пески»... Это такая прелесть! Это мне Чехова напоминает... Настоящий художник». Впоследствии литературоведы в яснополянской библиотеке Толстого обнаружили книжку «Знание», в которой на полях рассказа «Пески» рукою Льва Николаевича, который иногда любил оценивать литературные произведения по пятибалльной системе (и не скупился на «двойки») было начертано «+5» (пять с плюсом). Речь идет о первом томе рассказов Серафимовича, вышедшем в 1903 году в издательстве «Знание», отредактированных писателем по советам и указаниям А. М. Горького, а в первом сборнике «Знание», за этот же год, был помещен рассказ «В пути».

В ответ на настоятельные советы друзей съездить в Ясную Поляну и познакомиться с Толстым, Серафимович полушутя, полусерьезно говорил: «Ну куда с моими тощенькими рассказами к Толстому! Вот напишу вещь посолидней, тогда и полечу к нему на крыльях».

«Вещь посолидней» писалась трудно. Уже были готовы первые главы, зажили своей жизнью созданные художником персонажи, но Серафимович вынужден был откладывать в сторону начатое и браться ради заработка за рассказы.

«Работаю над повестью «Город в степи». Очень хотелось бы вплотную за нее приняться, да приходится отвлекаться на мелкие рассказы», – делится он своим огорчением с И.А. Белоусовым. «Работаю много с удовольствием над большой вещью и с отвращением – над двумя небольшими рассказами» – сообщает он ему же спустя полгода. И еще через месяц: «Все пишу свою повесть. Милый, какая она хорошая, интересная была в голове, и какая серая, никчемная, деланная на бумаге! И все-таки пишу».

Над этим произведением Серафимович трудился несколько лет: с 1906 по 1910 год. Московская жизнь постоянно отвлекала писателя от работы и для того, чтобы сосредоточить свое внимание на творчестве, он отправился на тихую и приветливую живописную донскую землю.

Вот как об этом пишет сам Александр Серафимович: «Город в степи» я начал писать в Москве. Писал с большими перерывами, иногда по полгода не брался за рукопись. Параллельно работал над мелкими рассказами. Кое-как с трудом первую половину романа сколотил в Москве. Потом, в начале июня 1910 года, уехал с матерью из Москвы на Дон, в станицу Раздорскую, которая лежит на крутой горе, спадающей в Дон. Я нанял на этой горе двухэтажный казачий «курень» (деревянный дом). Крыльцо выходило на Дон. За Доном – без границ луг. Обстановка очень располагала к работе. Не было московской суетни. Можно было уединиться. После работы здесь было хорошо отдышаться».

Пребывание Серафимовича в станице Раздорской благотворно сказалось на его творчестве. В начале октября 1910 года он закончил роман «Город в степи» и сдал рукопись в издававшийся в то время в Петербурге журнал «Современный мир». Впервые роман был опубликован в 1912 году.

Высокую оценку этому произведению дал А. Луначарский: «Город в степи» – это роман достойный Бальзака. Перед нами громадный организм города, возникшего около железной дороги и быстро растущего, так что меняется не только его облик, но и характер его жителей и их взаимоотношений. Процесс капиталистического набухания города, процесс расслоения его на классы показан на десятках людей, из которых каждый представляет собой замечательный тип. Роман чрезвычайно богат содержанием. Вместе с тем он читается с захватывающим волнением. На каждой странице читатель найдет нечто поучительное и для нашего времени».

До самой смерти А.С. Серафимович не порывал связи с Доном. В своем творчестве он постоянно обращался к донским темам, печатался в донских газетах, переписывался с донскими писателями, принимал земляков в своей московской квартире, навещал донскую землю – такую близкую и дорогую сердцу писателя, создавшему здесь свои лучшие произведения.

Агарков Л.Т.

Газета «Звезда Придонья»,

декабрь 1986 г.